

Н.Я. Грот

**Философия и ее общие
задачи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Я. Грот**
Философия и ее общие задачи / Н.Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2023. –
417 с.

ISBN 978-5-458-16692-8

Сборник статей.

ISBN 978-5-458-16692-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Выпуская настоящій сборникъ трудовъ Николая Яковлевича Грота, Московское Психологическое Общество приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ ему содѣйствіе для выполненія этой задачи,—и прежде всего А. С. Суворинѣ, давшему средства для изданія, и К. Я. Гроту, который далъ Психологическому Обществу возможность вложить свой посильный трудъ въ это столь цѣнное для него изданіе. Равнымъ образомъ мы высказываемъ величайшую признательность В. И. Шенроку за его прекрасный біографическій очеркъ и нашему уважаемому сочлену П. П. Соколову—за превосходную статью, которая служитъ лучшимъ введеніемъ къ философскимъ трудамъ Н. Я. Грота и незамѣнимымъ руководствомъ для читателя, помогая ему въ оцѣнкѣ произведеній, относящихся къ различнымъ періодамъ дѣятельности Николая Яковлевича, и отражающихъ различныя, измѣнявшіяся точки зрѣнія.

Проектъ изданія трудовъ Н. Я. Грота составлялся въ редакціонномъ комитетѣ Психологическаго Общества еще при участіи покойнаго редактора журнала и трудовъ Общества В. П. Преображенскаго, не долго пережившаго Николая Яковлевича. Не видя возможности немедленно издать многотомное полное собраніе сочиненій Н. Я. Грота—что до сихъ поръ составляетъ наше общее завѣтное желаніе,—Психологическое Общество воспользовалось представившеюся возможностью издать, согласно плану самого автора, найденному въ его бумагахъ¹⁾, хотя бы

¹⁾ Н. Я. распредѣлилъ въ немъ свои труды по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Философія (Общія задачи). II. Исторія философіи. III. Психологія. IV. Этика и социологія. V. Статьи на разныя темы.

всѣ разбросанныя по періодическимъ изданіямъ работы Николая Яковлевича, на основаніи которыхъ читатель могъ бы составить себѣ понятіе о послѣдовательномъ развитіи его философской мысли, о пройденномъ имъ умственномъ пути отъ позитивизма—къ идеализму.

Въ виду этого мы не могли ограничиться въ предпріятомъ изданіи лучшими и наиболѣе значительными произведеніями Николая Яковлевича: главныя изъ нихъ, какъ напр., его диссертациі о «реформѣ логики» и «психологіи чувствованій» не могутъ войти въ него уже по самому своему объему; за то читатель найдетъ въ немъ и многое такое, что въ развитіи нашего философа имѣло значеніе лишь временной ступени, переходящаго момента. Мы надѣемся однако, что никто за это на насъ не посягнетъ: иначе намъ пришлось бы отказаться отъ слишкомъ многого и притомъ иногда наиболѣе характернаго и яркаго. Николай Яковлевичъ никогда, до самаго конца, не зналъ въ философіи окончательныхъ ступеней, догматическихъ непреложныхъ и готовыхъ результатовъ; вся его умственная жизнь была однимъ кипучимъ порывомъ, однимъ неудержимымъ стремленіемъ впередъ, стремленіемъ иногда какъ будто даже слишкомъ поспѣшнымъ, но всегда юношески-свѣжимъ, горячимъ, увлекательнымъ. Это-то и составляло главный секретъ его вліянія и обаянія на всѣхъ вообще и молодежь въ особенности,—обаянія, о которомъ тѣ, кто не знали лично Николая Яковлевича, могутъ составить себѣ лишь весьма несовершенное представленіе по его сочиненіямъ. И хотя онъ написалъ чрезвычайно много—у насъ хватило бы матеріала на много томовъ—ни въ какой сборникъ, ни въ какую книгу нельзя было бы втиснуть его вѣчно-подвижную, вѣчно стремящуюся мысль, согрѣтую юношеской вѣрой въ философскій идеалъ. Успокоившійся метафизикъ или успокоившійся позитивистъ могутъ съ самодовольной ироніей относиться къ этой неустанной ломкѣ и перестройкѣ, къ этому быстрому неутомному движенію, подобному бѣгу горнаго ручья,—къ этимъ перегибамъ, противорѣчіямъ, смѣлымъ гипотезамъ, постоянно новымъ мыслямъ и взглядамъ, которыя стремятся неудержимо высказаться и отъ которыхъ самъ авторъ нерѣдко отказывается, вступивъ на высшую ступень философскаго сознанія. И однако въ этой кипучей дѣятельности и движеніи, въ этой изумительной універ-

сальной отзывчивости ко всѣмъ теченіямъ и запросамъ нравственной и философской мысли чувствуется горячее, молодое бѣненіе жизни, которой чужда всякая схоластика, чѣмъ бы она ни прикрывалась — все равно метафизикой или позитивизмомъ.

Да послужитъ же настоящій сборникъ началомъ ознакомленія русскихъ читателей съ плодами этой безвременно угасшей жизни, а за нимъ да послѣдуютъ другіе, которые должны обнять въ себѣ остальные сочиненія и курсы дорогого Николая Яковлевича.

Л. М. Лопатинъ.

Кн. С. Трубецкой.

Н. Я. ГРОТЪ.

(1852—1899).

(Биографическій очеркъ ¹⁾).

Въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій будущій историкъ просвѣщенія, безъ сомнѣнія, отвѣдетъ почетное мѣсто Н. Я. Гроту. Не только его учено-литературныя заслуги, но также основанный по его инициативѣ философскій журналъ и организованное имъ Московское Психологическое Общество ¹⁾, котораго онъ съ 1888 г. былъ безсмѣннымъ председателемъ, даютъ ему безспорное право на вниманіе и требуютъ справедливой оцѣнки. Много было дано ему отъ природы, и онъ широко воспользовался ея щедрыми дарами, хотя нельзя съ другой стороны не пожалѣть, что онъ слишкомъ неумѣренно расходовалъ свою кипучую энергію и что безпощадная смерть застигла его въ самую пору расцвѣта духовныхъ силъ, въ то время, когда пріобрѣтенная имъ въ ученomъ мѣрѣ почетная репутація и обширныя сношенія съ представителями философской науки въ Европѣ и Америкѣ, казалось, должны были открыть передъ нимъ новую блестящую будущность.

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался письмами покойнаго Н. Я. Грота къ роднымъ, особенно къ брату Константину Яковлевичу, также письмами лично къ нему, автору, статьями (гг. Ивановскаго, Викторова, Айхенвальда, П. Соколова) о Н. Я. Гротѣ въ посвященной его памяти книжкѣ (51-ой, 1900 г.) журнала «Вопросы Философій и Психологій», наконецъ, собственными воспоминаніями и особенно сообщеніями К. Я. Грота.

¹⁾ Оно было основано проф. М. М. Троицкимъ въ 1885 г.

Живую и добрую память оставил по себѣ Гротъ также и какъ общественный дѣятель и какъ человѣкъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ исключительныхъ натуръ, на которыя суровая проза жизни не въ силахъ наложить свою угрюмую печать. Онъ какъ будто родился подъ счастливой звѣздой. Проходя блестяще жизненное поприще, онъ не уставалъ до самаго конца создавать обширные планы и рисовать роскошныя перспективы. На его душевномъ горизонтѣ всегда ясно и привѣтливо сіяло ласковое солнышко ранней весны, и весь онъ былъ полонъ поэзіи увлеченія. Въ обществѣ такихъ людей сѣрыя краски жизни превращаются въ яркія и розовыя и получается какой-то волшебный оптический обманъ. Воодушевленный свѣтлыми надеждами, онъ бодро смотрѣлъ въ даль будущаго и въ другихъ поднималъ энергію и давалъ имъ крылья. Онъ имѣлъ завидный даръ ценою повышать во всѣхъ душевный діапазонъ, заражая своей жизнерадостностью, въ чемъ, вмѣстѣ съ беззавѣтной преданностью идеѣ, и крылась собственно тайна производимаго имъ обаянія и его общепризнаннаго организаторскаго таланта. Въ то же время онъ былъ въ высокой степени доступенъ чувству задушевной общительности и теплаго, сердечнаго участія. Въ некрологѣ его, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы», покойный Вл. С. Соловьевъ называетъ его добрымъ, дорогимъ товарищемъ и въ концѣ своей замѣтки обращаетъ къ своему умершему другу нѣсколько трогательныхъ, глубоко прочувствованныхъ строкъ, а графъ Л. Н. Толстой по смерти Грота однажды выразился, что ему «недостаётъ» этого даровитаго и высоко-симпатичнаго «молодого человѣка». Хотя Гротъ далеко уже не былъ молодымъ человѣкомъ (онъ умеръ 47 лѣтъ), но обмолвка эта знаменательна и характерна: дѣйствительно до послѣднихъ минутъ онъ былъ весь—жизнь и молодость.

I.

По отцу Николай Яковлевичъ происходилъ отъ голштинскаго выходца 2-ой полов. XVIII в., Иакима Христіана Грота, человѣка высокой преданности долгу и разумной общественной инициативы. Богословъ по призванію, онъ скромное званіе пастора предпочелъ каѳедрѣ въ родномъ университетскомъ городѣ въ Германіи и, переселившись потомъ въ Россію, въ томъ же

званіи продолжалъ всю жизнь работать надъ самоусовершенствованіемъ. Своей всегдашней готовностью приносить пользу ближнимъ, онъ скоро приобрѣлъ всеобщее уваженіе. Знаменитый Шлецеръ печатно называлъ его своимъ другомъ, а императрица Екатерина пожаловала ему большую золотую медаль. Его сынъ, Карлъ Ефимовичъ (такъ передѣлали его отчество въ Россіи) 14 лѣтъ былъ приглашенъ ко двору для упражненія великихъ князей (старшихъ сыновей Павла Петровича) въ иностранныхъ языкахъ, а по окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ публично произнесъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, удостоившуюся упоминанія въ извѣстномъ трудѣ Багмейстера «Russische Bibliothek». Обоиъ сыновьямъ его уже было суждено значительно выдвинуться и приобрести большую извѣстность. Мы не станемъ здѣсь говорить о всѣмъ памятной дѣятельности академика Я. К. Грота, а также и брата его, Константина Карловича ¹⁾; замѣтимъ только, что особенное достоинство Якова Карловича заключалось въ томъ, чего болѣе или менѣе недоставало всему современному русскому обществу,—въ высокой программѣ жизни и въ строжайшемъ отношеніи къ себѣ и къ своему долгу и въ глубокомъ пониманіи евангельскаго завѣта о достойномъ примѣненіи данныхъ человѣку талантовъ. Это была личность скромная и симпатичная. Говорятъ, что императоръ Александръ III въ спорѣ по одному литературному вопросу, на возраженіе противника, который ссылался на Якова Карловича, однажды сказалъ: «Ну, въ такомъ случаѣ это такъ же вѣрно, какъ Евангеліе». Въ извѣстной перепискѣ съ Плетневымъ особенно ярко рисуется личность покойнаго академика и глубокая, разумная преданность двухъ душевно уважающихъ другъ друга людей, связанныхъ умственными и эстетическими интересами.

Другого истиннаго друга, въ лучшую пору жизни Я. К. Гротъ нашелъ въ своей женѣ, Натальѣ Петровнѣ. Она была дочь капитана П. Н. Семенова, автора нѣсколькихъ остроумныхъ пародій, свидѣтельствующихъ объ его недюжинномъ умѣ и бойкомъ, веселомъ юморѣ. Его пародію на оду «Богъ» всѣ знали наизусть въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ, и даже самъ шефъ

¹⁾ Статсъ-секретаря, члена Государственнаго совѣта, основателя Попечительства и многихъ учреждений для слѣпыхъ († 1897).

полка, императоръ Николай. Въ домашнемъ кругу онъ отличался такой живостью и веселостью, что уже въ пожилыхъ годахъ охотно игралъ съ дѣтьми и забавлялъ ихъ. Такой же живостью и добродушной привѣтливостью обладали и другіе члены даровитой семеновской семьи; это была ихъ родовая черта.

Такимъ образомъ въ стихію образцоваго протовскаго трудолюбія и неуклоннаго служенія долгу свѣтлой струей влилась семеновская живость и жизнерадостность, и оба эти элемента гармонически соединились въ лицѣ Николая Яковлевича.

II.

Николай Яковлевичъ родился 18 апрѣля 1852 г. въ Гельсингфорсѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ русской литературы и исторіи. Уже въ первые мѣсяцы ребенокъ поражалъ необыкновенной живостью и, какъ всѣ впечатлительныя дѣти, требовалъ усиленныхъ попеченій. Онъ скоро сдѣлался любимцемъ всей семьи и былъ окруженъ общими заботами. Но на первомъ году ему уже пришлось вынести трудное для его возраста путешествіе во время переѣзда его родителей изъ Финляндіи въ Петербургъ, гдѣ Яковъ Карловичъ, при содѣйствіи Плетнева, получилъ кафедру въ Александровскомъ Лицеѣ и вскорѣ началъ также занятія съ Августѣйшими дѣтьми В. К. Александра Николаевича. Это было въ началѣ 1853 года. Въ концѣ того же года Гроты поселились въ домѣ Сазонова въ Первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ протекло все дѣтство и юность Николая Яковлевича въ самой благопріятной семейной обстановкѣ. Родители его сразу сумѣли найти то прочное счастье, о которомъ люди такъ много мечтаютъ и которое такъ рѣдко дается; но оно не было случайнымъ лотерейнымъ выигрышемъ, а создавалось и поддерживалось неослабными заботами и напряженнымъ трудомъ. Общее довольство и спокойствіе обусловливалось единодушіемъ главныхъ членовъ семьи, гдѣ жена была истинной помощницей и вѣрнымъ товарищемъ мужа. Въ воспитаніи дѣтей они держались строгой системы: здѣсь не было и тѣни безпечной распущенности, предоставляющей выработку характеровъ на волю случая. Во многомъ воспитаніе носило даже почти спартанскій характеръ; дѣтямъ не давали долго спать и никакая изнѣженность не допускалась. Во всемъ они встрѣчали не-

уклонныя требованія и поблажекъ не дѣлалось, но въ усвоеніи требуемой выдержки много помогала строгая послѣдовательность режима и постоянный примѣръ старшихъ, относившихся къ нимъ, при всей настойчивости, съ любовью и лаской. Но не слѣдуетъ думать, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло шло совершенно плавно и гладко.

Напротивъ, воспитаніе Николая Яковлевича представляло значительныя трудности. Это была какъ разъ натура всего менѣе способная подчиняться режиму, вѣчно куда-то рвущаяся, никогда не успокоивающаяся, неугомонная и неукротимая. Необыкновенная живость ребенка, требовавшая неослабнаго и напряженнаго наблюденія, сама по себѣ причиняла много хлопотъ; но кромѣ того страстность пылкаго темперамента и инстинктивное, но чрезвычайно сильное и раннее стремленіе къ самостоятельности сильно затрудняли послѣдовательное проведеніе педагогическихъ началъ, — особенно въ виду того, что это былъ первенецъ, на которомъ родителямъ впервые приходилось примѣнять свои педагогическіе приемы. Съ другой стороны нравственная отвѣтственность сильно осложнялась выдающеюся даровитостью ребенка. Но Гроты были люди съ большой выдержкой и самообладаніемъ. Имѣя передъ глазами ясно поставленную цѣль и всей трудовой жизнью приготовленные къ своей высокой задачѣ, они не терялись при встрѣчѣ съ трудностями и продолжали послѣдовательно и бодро проводить строго обдуманную систему. Въ этомъ имъ помогала склонность къ семейной жизни и равнодушіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Большую помощь находили они также и въ добрыхъ наклонностяхъ ребенка, обладавшаго натурой привязчивой и доброй. Увѣщанія и ласки родителей легко получали доступъ къ его сердцу и смягчали вспышки гнѣва и упорства. Николай Яковлевичъ обладалъ горячимъ, любящимъ, привязчивымъ сердцемъ и душой, расположенной къ самымъ высокимъ, чистымъ и благороднымъ порывамъ и стремленіямъ и отличался высшей степенью прямоты, откровенности и правдивости въ словахъ и дѣйствіяхъ. Все это значительно облегчало задачу обузданія его страстности и стремительности; приходилось сдерживать его порывы, но не было основанія бояться какого-нибудь неожиданнаго и вреднаго вліянія со стороны. «Добрые и свѣтлые порывы всегда быстро и рѣшительно торжествовали надъ дурными и измен-

ными, и это относится какъ къ самому первому, нѣжному дѣтству, такъ и къ юности и къ молодости», свидѣтельствуеъ его братъ Константинъ Яковлевичъ, бывшій его товарищемъ и другомъ дѣтства и до конца связанный съ нимъ тѣсной дружбой.

III.

Въ раннемъ дѣтствѣ самое рѣшительное вліяніе въ воспитаніи, какъ извѣстно, принадлежитъ матери, а Наталья Петровна Гротъ всегда придавала великое значеніе роли женщины въ семьѣ, и особенно какъ воспитательницы, и проводила это убѣжденіе въ жизни. Она высоко ставила материнскую сердечность и ласку, а въ скромной долѣ и самоотверженности видѣла особенную высоту женскаго призванія. Она обладала душой, беззавѣтно преданной всему, что было связано не только съ ея личной судьбой, но и съ прошлымъ близкихъ людей и отечества. Въ натурѣ ея особенно поражало умѣнье быть благодарной, а къ холодному скептицизму она питала органическое отвращеніе. «Простота и правда», говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, «были завѣтными идеалами моей души, а безыскусственная патриархальность русской жизни въ моемъ дѣтствѣ навсегда осталась живою въ моихъ воспоминаніяхъ». Всѣми указанными сторонами своей личности она имѣла благотворное вліяніе на дѣтей, и хотя Николай Яковлевичъ по натурѣ своей былъ созданъ піонеромъ будущаго и всегда неудержимо и страстно рвался впередъ, но и ему также былъ несимпатиченъ равнодушный и холодный скептицизмъ, и онъ живо сознавалъ кровную связь съ родными людьми и мѣстами, скрѣпленную свѣтлой памятью счастливаго дѣтства.

Такимъ образомъ, хотя и многихъ заботъ требовало моральное воспитаніе Николая Яковлевича, но добрыя сѣмена падали на хорошую почву, а въ отношеніи развитія и обученія ребенокъ шелъ самъ навстрѣчу заботамъ старшихъ, и ученье давалось ему такъ легко, онъ такъ охотно за все принимался, что не нужно было мучиться заботами о пробужденіи въ немъ любви къ занятіямъ и къ труду. Однако родители не полагались на эти счастливые задатки и всѣми силами старались входить во всѣ подробности обученія, веди его по возможности лично, а постороннему попеченію предоставляя лишь практику въ иностранныхъ языкахъ и препо-